

3 (20) 2022

@law_journal

lawresearch.ru

2658-512X

УДК 343
DOI 10.34076/2658_512X_2022_3_36

Корецкий Данил Аркадьевич

dakoretskiy@sfnu.ru
Заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета г. Ростов-на-Дону

Халява Владислава Олеговна

vladislava_94@mail.ru
аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета

Личность преступника: терминологические и сущностные проблемы

Корецкий Д. А., Халява В. О./ Личность преступника: терминологические и сущностные проблемы// Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 3. С. 36–42. DOI 10.34076/2658_512X_2022_3_36

Аннотация:

В центре исследовательского внимания авторов настоящей статьи находится понятие «личность преступника», имеющее давнюю историю изучения. Авторы отмечают, что, несмотря на весомое количество различных подходов к определению рассматриваемого понятия в научной литературе, данный вопрос все равно характеризуется недостаточной разработанностью. Анализируя термин «личность преступника» и его соотношение со смежными категориями, авторы приходят к выводу, что оно иногда сливается или синонимизируется с социологическими, философскими, уголовно-правовыми, уголовно-процессуальными и пенитенциарными лексическими единицами, что вызывает определенные сложности, так как затушевывает различия между ними. Также авторы усматривают неясность в установлении момента, с которым можно связывать «зарождение» личности преступника и ее последующую деактивацию. Помимо обозначенных вопросов, углубленно исследуется структура личности преступника как совокупность определенных качеств, свойственных лицам, совершающим преступления. Структура личности преступника включает в себя как общие (социально-демографические, психологические и т.п.) признаки, так и специфические, присущие только преступникам (наличие и характер судимостей, умения и навыки совершения преступлений и избегания ответственности за них, положение на иерархической лестнице криминального мира и т.п.). Но, как отмечают авторы, структура личности преступника не всегда содержит группу специфических признаков, на основании чего обосновывается позиция о том, что данная категория присуща не всем лицам, совершившим преступления. В частности, неосторожные преступники и ряд других категорий преступников вряд ли обладают свойствами личности преступника. Исходя из этого, авторы приходят к выводу, что не ко всем лицам, совершившим преступление, применимо понятие «личность преступника», так как эта категория предполагает наличие у лица стойкой антисоциальной установки на противоправное поведение. В связи с этим предлагаются некоторые теоретические и практические новации по рассматриваемой проблематике.

УДК 343
DOI 10.34076/2658_512X_2022_3_36

Danil A. Koretsky

dakoretskiy@sfnu.ru
Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of the Southern Federal University of Rostov-on-Don

Vladislava O. Halyava

vladislava_94@mail.ru
Postgraduate student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of the Southern Federal University

The Identity of the Criminal: Terminological and Essential Problems

Danil A. Koretsky, Halyava O. Vladislava 'The identity of the criminal: terminological and essential problems', *Ural Journal of Legal Research*, 2022, No. 3. pp. 36–42. DOI 10.34076/2658_512X_2022_3_36

Abstract:

The authors of this article focus on the concept of «criminal personality», which has a long history of study. The authors note that, despite the significant number of different approaches to the definition of the concept in question in the scientific literature, this issue is still characterized by insufficient elaboration. Analyzing the term «criminal personality» and its correlation with related categories, the authors come to the conclusion that it sometimes merges or is synonymized with sociological, philosophical, criminal law, criminal procedure and penitentiary lexical units, which causes certain difficulties, since it obscures the differences between them. The authors also see ambiguity in establishing the moment with which the «origin» of the criminal's personality and its subsequent deactivation can be associated. In addition to the indicated issues, the structure of the criminal's personality is studied in depth as a set of certain qualities peculiar to persons committing crimes. The structure of the criminal's personality includes both general (socio-demographic, psychological, etc.) signs, and specific ones inherent only to criminals (the presence and nature of criminal records, skills and abilities to commit crimes and avoid responsibility for them, position on the hierarchical ladder of the criminal world, etc.). But, as the authors note, the structure of the criminal's personality does not always contain a group of specific features, on the basis of which the position is justified that this category is not inherent in all persons who have committed crimes. In particular, careless criminals and a number of other categories of criminals are unlikely to have the characteristics of a criminal's personality. Based on this, the authors come to the conclusion that the concept of «criminal personality» is not applicable to all persons who have committed a crime, since this category assumes that a person has a persistent antisocial attitude to illegal behavior. In this regard, some theoretical and practical innovations on the issues under consideration are proposed.

Ключевые слова:

личность преступника, активация и деактивация личности преступника, общие и специальные свойства личности преступника, криминальная среда, структура личности преступника, маркеры идентификации, дифференциация предупредительно-профилактической работы

Keywords:

criminal personality, activation and deactivation of the criminal personality, general and special properties of the criminal personality, criminal environment, criminal personality structure, identification markers, differentiation of preventive and preventive work

Изучать личность человека, совершившего преступление, начали еще мыслители античности, и с тех пор интерес к теме не ослабевает, она постоянно развивается, в основном, в направлении выявления и оценки присущих криминальной личности черт характера (свойств), стремлений, интересов, потребностей и т.д. в поисках способов предупреждения преступлений, ибо, в конечном счете, индивидуальный преступно-волевой акт совершается конкретным лицом. По данной теме, как и по всем сложным предметам изучения, мнения исследователей расходятся – не только в частностях, но и в основополагающих моментах.

Некоторые авторы считают, что личность преступника - это синоним обозначения лиц, совершивших преступления [1, с. 120; 2, с. 6; 3, с. 33; 4, с. 9-12; 5, с. 330, 6, с. 12]. Другие полагают, что личность преступника - это некая особенность личности, которая возникает при соответствующих условиях социальной среды и воздействия на нее окружения [7, с. 11; 8, с. 69; 9, с. 384-385; 10, с. 280]. Третьи придерживаются мнения, что это лица, которые реализуют свойства личности преступника под воздействием конкретной жизненной ситуации [11, с. 54].

Несмотря на обилие научных работ по данной теме, нельзя сказать, что все аспекты рассматриваемого понятия изучены полностью. Больше того, некоторые, естественно возникающие вопросы, обходятся молчанием, очевидно вследствие того, что серьезные исследования для ответов на них, в силу разных причин, практически не проводились.

Даже момент «рождения» категории «личность преступника» классики криминологии определяют по-разному.

А.Б. Сахаров считал, что криминогенные свойства, характеризующие личность преступника, существуют до преступления и обуславливают его совершение, но признание конкретного лица преступником возможно только после и в связи с совершением им преступления [12, с. 234].

Большинство же авторов связывают активацию личности преступника с моментом совершения преступления, причем это понятие отождествляется с актом криминального деяния.

В известной степени, сложности, связанные с криминологическим понятием «личность преступника» вызваны тем, что оно иногда сливается или синонимизируется с социологическим и философским понятиями «личность», теоретико-уголовноправовыми понятиями «субъект преступления» и «лицо, совершившее преступление», уголовно-процессуальными «виновный», «подозреваемый», «обвиняемый», «подсудимый», пенитенциарным – «осужденный», широко употребляемым в обыденной жизни неправовым и ненаучным понятием «преступник»...

На самом деле, соотношение понятий «личность преступника» и «преступник» столь же не идентичны, сколь понятия «личность» и «человек».

Если придерживаться определения А. Б. Сахарова и «разводить» необоснованно отождествляемые понятия, то получается, что уже сформированная личность преступника и обуславливает совершение преступления, а не активируется (рождается) в момент его совершения. Но тогда правильней говорить не о появившейся после криминального акта «личности преступника», а о «преступ-

нике», для чего это понятие следует закрепить в законе, ибо именно правовая, а не криминологическая категория должна обозначать «лицо, совершившее преступление (преступника)».

Ведь вовсе не личность преступника - теоретическая категория, не включённая в уголовный закон, - обуславливает уголовную ответственность, а факт совершения деятелем уголовно-запрещённого деяния, при этом тот комплекс свойств и качеств, которые образуют в нынешнем понимании личность преступника, у него может и отсутствовать.

Не только момент активации личности преступника вызывает вопросы, но и момент её исчезновения (деактивации), который чаще всего либо вообще обходится молчанием, либо связывается с моментом отбытия наказания за совершенное преступление, что вызывает обоснованные сомнения. Каким образом биологические и социальные свойства личности человека, приобретенные за много лет под воздействием наследственности, социума, индивидуальных соматических особенностей организма, психики, психологии и конкретной жизненной ситуации, могут «рассосаться» за период отбытия даже столь сурового наказания, как лишение свободы? Существуют ли сроки нейтрализации этих качеств? И может ли приговор суда точно соответствовать этим срокам? Да и годится ли нехитрый пенитенциарный «инструментарий» для выполнения столь сложной задачи?

Психофизиология совершения преступления (преодоление моральных запретов; страха перед нарушением закона, сопротивлением потерпевшего, иных лиц и представителей власти; готовность проявлять жестокость и причинять вред другим людям; преодоление воздействия стрессовой ситуации и тревоги перед разоблачением и др.) во многом совпадают с психофизиологией рискованных действий в опасных профессиях и занятиях. Например, первый прыжок с парашютом требует преодоления естественных страхов, присущих любому человеку, но многократное повторение уменьшает негативные ощущения, даже сводит их к нулю. Каким образом закреплённую установку на отсутствие опасений перед прыжком с большой высоты, можно устранить внешним воздействием, и можно ли вообще это сделать – сказать трудно в связи с тем, что никто и никогда, по очевидным причинам, не задавался вопросом, как нейтрализовать положительный результат, достигнутый длительными тренировками.

Применительно к лицу, совершившему преступление, дело обстоит совершенно иначе: пенитенциарная система должна ликвидировать присущие ему криминальные свойства. Статья 1 УИК Российской Федерации объявляет целями уголовно-исполнительного законодательства исправление осуждённых и предупреждение совершения ими новых преступлений, то есть деактивацию личности преступника¹. При этом основными средствами достижения цели, статья 9 УИК объявляет установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательную работу, общественно-полезный труд, получение общего образования, профессиональную подготовку и общественное воздействие. Способны ли эти средства, даже при их высокопрофессиональном и добросовестном исполнении, устранить антиобщественную установку личности, закреплённую на психофизиологическом уровне и разрушить стереотип механизма преступного поведения, сложившийся в сознании лица, совершившего преступление для удовлетворения своих потребностей и достижения поставленных целей?

Предположим, осуждённый соблюдает правила внутреннего распорядка - ак-

1 Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 11.06.2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 2. Ст. 198.

куратно застилает постель, вовремя выходит на построения, соблюдает установленную форму одежды, выполняет требования администрации и т.п.; посещает мероприятия воспитательного характера; трудоустроен на должности швеи или привлекается к работам по благоустройству территории; получил профессии каменщика и пекаря; принимает участие в общественной жизни отряда и колонии. Значит ли это, что осужденные за мошенничество, кражи или грабежи больше не совершают преступлений, а начнут трудиться по приобретенным специальностям и займутся общественной деятельностью? Ожидать такого результата было бы наивно.

В настоящее время, в основном, принято считать, что личность преступника возникает (активируется) при совершении преступления и деактивируется после отбытия наказания и погашения судимости, когда в соответствии с ч. 6 ст. 86 УК РФ аннулируются все правовые последствия, связанные с судимостью, и цели назначения наказания, в соответствии с ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации считаются достигнутыми², виновные, отбывшие наказание признаются исправившимися, а следовательно, не совершают новых преступлений. Но это презюмирование не выдерживает сопоставления с анализом соответствующей статистики, согласно которой, на протяжении 17 лет постоянно растет процент расследованных преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления³.

Высокий и постоянно растущий процент рецидива свидетельствует о том, что сам факт отбытия наказания не гарантирует нейтрализацию криминогенных свойств личности преступника. Больше того, личность преступника может сформироваться и укрепиться уже в процессе отбывания наказания в испра-

2 Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 г. N 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г., с изм. от 18.07.2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 25. Ст. 2954.

3 Диаграмма составлена Халявой В.О. на основе статистики МВД РФ

вительном учреждении. Находясь в высококонцентрированной криминальной среде, лицо, зачастую, приобретает или укрепляет связи в ней, впитывает нормы и правила преступной субкультуры, нарабатывает специфический авторитет, продвигается по иерархической лестнице преступного мира, обдумывает планы будущих преступлений и подбирает соучастников. Известно немало случаев, когда осужденный именно в местах лишения свободы проходил «коронацию» и получал ранг «вора в законе»: например, Аслан Усоян (Хасан)⁴ был «коронован» в колонии, Вячеслав Иваньков (Япончик)⁵ - в Бутырской тюрьме, впоследствии оба они стали крупными фигурами российского уголовного мира. Характерно, что Япончик, отбывая наказание в Тулунской тюрьме, «короновал» семерых воров!

Перечисленные обстоятельства порождают вопрос: все ли индивиды, совершившие преступления, обладают комплексом свойств и качеств, именуемых «личностью преступника»? Хотя широкого освещения данная проблема не получила, но на этот вопрос были высказаны и довольно убедительно мотивированные отрицательные ответы.

По существу, приведенные выше позиции ученых подразумевают, что личность преступника – это свойство, присущее всем лицам, совершившим преступления. Однако, структура личности преступника включает в себя как общие (социально-демографические, психологические и т.п.) признаки, так и специфические, присущие только преступникам (наличие и характер судимостей, умения и навыки совершения преступлений и избегания ответственности за них, положение на иерархической лестнице криминального мира и т.п.). Но у большинства лиц, совершивших преступления, специфические криминальные свойства личности отсутствуют. Получается, что у этой категории «личность преступника» состоит только из общих признаков, как и у законопослушных граждан. В частности, неосторожные преступники, лица, совершившие преступление под влиянием неблагоприятной жизненной ситуации, или впервые при общей положительной характеристике, и ряд других категорий, вряд ли обладают свойствами личности преступника.

Не случайно появилось и иное понимание, при котором понятие личности преступника не является свойством любых лиц, совершивших преступление, а охватывает лишь определенную их часть.

Одним из первых авторов, высказавшим такое мнение почти полвека назад, стал ныне доктор юридических наук, профессор и признанный мэтр адвокатуры Г.М. Резник: «О личности преступника можно говорить лишь применительно к весьма узкому контингенту лиц, для которых совершение преступлений стало основной, ведущей деятельностью» [13, с. 29]. Обосновывая такую позицию, Г.М. Резник замечает: «Особо следует подчеркнуть, что ни на одном уровне — социологическом, социально-психологическом, индивидуально-психологическом — не существует ни одного фактора (личностного свойства), позволяющего однозначно прогнозировать совершение (как, впрочем, и не совершение) преступления конкретным индивидом. Более того, никто не вправе рассматривать отдельное лицо как «личность преступника» («криминогенную личность») при сколь угодно большом сочетании негативных личностных и ситуационных ха-

4 Аслан Рашидович Усоян (1937—2013 гг.) — советский и российский криминальный авторитет, влияние которого распространялось на преступный мир постсоветского пространства и значительной части Западной Европы. Преступный клан Усояна, один из самых мощных в России, участвовал в нескольких масштабных уголовных войнах постсоветского периода.

5 Вячеслав Кириллович Иваньков, также известен как «Япончик», (1940-2009 гг.) — советский, затем российский преступник, криминальный авторитет и вор в законе, лидер организованной преступной группировки Москвы.

рактических, хотя, разумеется, вероятность преступного поведения может быть очень высокой» [14, с. 30].

Данная позиция менее популярна среди научного сообщества, хотя совершенно очевидно, что разнообразие лиц, преступивших уголовный закон и имеющих множество уголовно-правовых, криминологических, психологических и т.п. классификационных групп, не позволяет объединить их единым общим понятием «личность преступника».

Рассмотрев наиболее популярные и принятые в научной среде понятия типов личности преступника, можно сделать вывод, что одним термином обозначают и случайного, и ситуативного, и злостного, и особо злостного преступника, лицо, впервые совершившее преступление небольшой тяжести и особо опасного рецидивиста.

Правильно ли это? Допустимо ли объединять в одну группу совершенно разных по индивидуальным свойствам людей, имеющих единственный общий признак – совершение преступления? Если объединяет этих людей только нарушение уголовного закона, а не свойства личности, то их надлежит называть «лицами, совершившими преступление», в обыденной жизни их чаще обозначают неправовым, но широко распространённым термином «преступник».

Таким образом, есть серьезные основания полагать, что свойствами личности преступника обладают не все те, кто совершил преступление. Кроме однократного (или неоднократного) нарушения закона, лица, обладающие качествами личности преступника, должны обладать определенными общими признаками, иметь специфические, присущие только им, навыки, умения, привычки, связи и положение в криминальном мире и другие маркеры, по которым их возможно идентифицировать. Это характерно, в первую очередь, для профессиональных преступников и лиц, тесно связанных с криминальным миром, на жаргоне – «приблатненными», которые в местах лишения свободы примыкают к так называемой «черной масти», образуя противостоящее администрации «отрицалово». По существу, категория «личность преступника» предполагает наличие у лица стойкой антисоциальной установки на противоправное поведение.

Исходя из предложенного подхода, требуется:

- Активизировать научные исследования по изучению личности преступника, как свойства, присущего не всем лицам, совершившим преступления.
- Дифференцировать предупредительно-профилактическую работу с лицами, как обладающими антисоциальной установкой, так и не имеющими таковой.
- Раздельно содержать в местах лишения свободы категории осужденных, названных в п.2, должны раздельно.
- Раздельно содержать и лиц, обладающих разной направленностью преступного поведения, в частности, осужденных за должностные, корыстные, насильственные, половые преступления.

Библиографический список:

1. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника: криминологическо-психологическое исследование. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 366 с.
2. Воронин Ю. А. Типология личности преступников: автореф. дис. канд. юрид. наук. Свердлов. юрид. ин-т. – Свердловск, 1974. 33 с.
3. Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве: Учеб. пособие /

References:

1. Antonyan Yu. M., Eminov V. E. (2010). Criminal identity: criminological and psychological research. Moscow: Norm: INFRA-M. 366 p.
2. Voronin Yu. A. (1974). The typology of the personality of criminals: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis. Sverdlovsk. 33 p.
3. Dagei P. S. (1972). The doctrine of the personality of the criminal in Soviet criminal law. Textbook.

- М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. – Владивосток, 1972. 132 с.
4. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминологическое психологическое исследование: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 368 с.
 5. Криминология: Учебник для вузов/Под общ. ред. д. ю. н., проф. А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005. 912 с.
 6. Кудрявцев В. Н. Личность преступника: монография. – М.: Юрид. лит., 1971. 355 с.
 7. Еникеев М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии. – М.: Норма, 2006. 639 с.
 8. Игошев К. Е. Основные аспекты и виды типизации личности преступника // Советское государство и право. 1975. № 6. С. 64-74.
 9. Кургузкина Е. Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений: дис. докт. юрид. наук. – М.: ГУ «ВНИИ МВД России», 2003. 423 с.
 10. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. Т. 1: Общая часть. – М., 2011. 1003 с.
 11. Абызов К.Р., Гриб В.Г., Ильин И.С. Криминология: курс лекций / Под ред. В.Г. Гриба. – М.: Маркет ДС, 2011. 345 с.
 12. Сахаров А.В. О Личности преступника и причинах преступности. – М.: Госюриздат, 1961. 279 с.
 13. Резник Г.М. Криминологическая профилактика и социальное планирование // Вопросы борьбы с преступностью. – М.: Юрид. лит. 1979. № 31. С. 17-30.
 14. Резник Г.М. Личность преступника: правовое и криминологическое содержание // Личность преступника и уголовная ответственность. Правовые и криминологические вопросы. – Саратов: Издательство Саратовского университета. 1979. № 1. С. 29-44.
 4. Vladivostok. 132 p.
 4. Antonyan Yu.M., Eminov V.E. (2019). The identity of the criminal. Criminological and psychological research. Moscow: Norm: INFRA-M. 368 p.
 5. Dolgova A. I. (ed.) (2005). Criminology: Textbook for universities. Moscow: Norma. 912 p.
 6. Kudryavtsev V. N. (1971). The identity of the criminal. Moscow: Legal lit. 355 p.
 7. Enikeev M. I. (2006). Legal psychology. With the basics of general and social psychology. Moscow: Norma. 639 p.
 8. Igoshev K. E. (1975). The main aspects and types of typification of the criminal's personality. Soviet state law. 6. P. 64-74.
 9. Kurguzkina E. B. (2003). Theory of criminal personality and problems of individual crime prevention: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis. Moscow: GU «Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia». 423 p.
 10. Luneev V. V. (2011). Course of world and Russian criminology: in 2 t. T. 1: General part. Moscow. 1003 p.
 11. Abyzov K.R., Grib V.G., Ilyin I.S. (2011). Criminology: course of lectures. Moscow: Market DS. 345 p.
 12. Sakharov A.V. (1961). On the identity of the criminal and the causes of crime. Moscow: Gosyurizdat. 279 p.
 13. Reznik G.M. (1979). Criminological prevention and social planning // Issues of combating crime. Moscow: Legal lit. 31. P. 17-30.
 14. Reznik G.M. (1979). Criminal identity: legal and criminological content. Criminal identity and criminal responsibility. Legal and criminological issues. Saratov: Saratov University Press. 1. P. 29-44.